

Авдашкин А.А.

Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

«КИТАЙСКИЕ» ТЕПЛИЦЫ В СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (случай Челябинской области)

Статья посвящена формированию и развитию представлений о «китайских» теплицах у жителей Челябинской области. Отношения и локации, связанные с присутствием китайских мигрантов в сельской местности, аккумулировались в образах «китайских» теплиц, а также различных угроз и этнических маркеров. Они определяли закрытые от контроля и наблюдения пространства. Возникновение этих временных объектов мигрантской активности безосновательно рассматривалось как процесс необратимой «китаизации» села.

Ключевые слова: «китайские» теплицы, китайцы, сельское пространство, мигранты, этничность.

Введение

Сегодня в российских гуманитарных науках активно развивается направление миграционных исследований. В центре внимания оказываются трансграничные миграции, мобильность и оседлость различных групп населения [Нам и др., 2017; Ивлева, Тавровский, 2019; Варшавер и др., 2020; Abashin, 2019]. Мы можем выделить два основных явления, маркированных как этнические или миграционные. К первому относятся этнические рынки. Второе касается развития мигрантской экономики в сфере овощеводства и тепличных хозяйств. Для их описания, как правило, используется понятие «китайских» теплиц. Они наряду с рынками стали заметным средоточием активности мигрантов из Китая. Работы по этой теме единичны [Иванов, 2015; Григоричев, 2016; Тимошкин, 2017]. В целом оценки деятельности китайских фермеров негативны. Обсуждается социальные и экологические риски, «несправедливость» по отношению к населению российских регионов [Рыжова, 2014; Муратшина, 2015; Чернолуцкая, 2017]. Аналогичные позиции присутствуют в других странах и регионах мира [Cotuba et al, 2009; Bräutigam, Zhang, 2013; Oliveira, 2017]. Нередко звучат такие термины, как «захват земель» и «новый колониализм» [Visser, Spoor, 2011; Hofman, Ho, 2012]. Однако достоверная информация по этому поводу ограничена и пока не позволяет оценить проникновение китайского агробизнеса как в практическом, так и теоретическом плане [McMichael, 2019]. Необходимо на новых кейсах расширить наши знания о развитии «китайских» теплиц, а также реакция населения и властей на этот процесс.

Цель статьи — проследить формирование и развитие представлений о «китайских» теплицах у жителей российского региона на примере Челябинской области. Хронологические рамки статьи — 1991–2020 гг. Данный кейс избран для исследования потому, что присутствие китайцев в аграрном секторе на Южном Урале явление абсолютно новое в отличие от Дальнего Востока, где китайские овощеводы исторически привычны. Их приток в Челябинскую область был вызван постсоветской волной трансграничных трудовых миграций, а значит, эти представления и образы формировались практически с чистого листа.

Материалы и методы

Главная проблема в изучении «китайских» теплиц — отсутствие практик и инструментария наблюдения за ними. Статистически и юридически тепличных комплексов словно не было, но в реальности они существовали, занимали определенные территории, населялись работниками, производили солидные объемы неучтенной и зачастую непроверенной продукции. Эмпирическую базу составили материалы средств массовой информации, тексты интервью и архивные документы.

Для достижения поставленной цели применялся метод исторической имагологии. Данное междисциплинарное направление позволяет понять содержание и истоки культурных стереотипов о китайских мигрантах, механизмах социального противопоставления в контексте отношений «мы» — «они», «свой» — «чужой». Тем самым «китайские» теплицы встраивались в общие

представления о китайской миграции в Россию в постсоветский период. Это противоречивость восприятия, ярко выраженная алармистская риторика, иррациональные страхи экспансии, криминализации, антисанитарии, многочисленности китайцев и т.д.

Подавляющее большинство жителей никогда не посещало «китайских» теплиц, и информация о них черпалась из новостных сюжетов. Привлечение выпусков региональных медиа позволило проследить динамику общественного мнения о «китайских» теплицах, определить основные сюжеты и интенсивность алармистских публикаций. На этой основе удалось выявить не «что», а «как» медиа транслировали населению, какие ракурсы преобладали, а какие или вовсе уходили на второй план, или отсутствовали. Качественные составляющие этого образа включали в себя крайне немногочисленные попытки трезвого анализа ситуации, поиск и предложение рациональных решений для применения иностранной рабочей силы на селе. В подавляющем большинстве публикаций интенсивно применялся язык вражды («чужие» против «своих» и др.).

Летом 2019 г. в Челябинске, Сосновском, Красноармейском и Еткульском районах собрано 14 глубинных интервью. В данных муниципалитетах размещалась основная часть «китайских» теплиц. Информантами являлись журналисты местных изданий, представители местных властей, жители районов, контактировавшие с китайцами. Материалы интервью позволяют реконструировать особенности возникновения и функционирования тепличных комплексов, сопоставить воспоминания немногочисленных очевидцев с распространенными медийными мифами.

Общедоступных статистических данных о присутствии китайских мигрантов в сельскохозяйственном секторе региона за последние годы нет. Дополнить картину помогли документы областной миграционной службы (ОГАЧО. Ф. Р-705) и Комитета по внешнеэкономическим связям областной администрации (ОГАЧО. Ф. Р-1404).

Вышеуказанные источники содержали сведения о количественных и качественных параметрах китайской трудовой миграции в регион. Делопроизводственная документация показывает хотя бы фрагментарно обстоятельства и механизмы вовлечения рабочей силы из КНР в сельскую экономику Южноуралья на первых этапах этого процесса. Важно учитывать и то, что работающие китайцы могли менять один вид занятости на другой.

Результаты

Алармистская оптика восприятия и образы «китайской экспансии». Сведения о первых китайских рабочих в сельскохозяйственном секторе мы можем обнаружить в подшивках местных изданий уже в начале 1990-х гг. Долгое время в их отношении не применялась мигрантофобская риторика. Напротив, подчеркивался «энтузиазм, высокая урожайность, качество продукции и трудолюбие» китайцев [Вечерний Челябинск. 1992. 7 сент.; Челябинский рабочий. 1993. 29 июля; 1998. 28 нояб.; 2002. 25 июля]. По данным миграционной службы, в 1994–2000 гг. ежегодно на территории региона только официально работало примерно 1000–1500 граждан КНР. Из них несколько сотен трудились в сельскохозяйственном секторе (подсчитано автором по: [ОГАЧО. Ф. Р-705, оп. 1, д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80].

Южноуральские аграрии продолжительное время сотрудничали с китайской фирмой «Хуаси». По оценкам управления сельского хозяйства областной администрации, привлечение китайских рабочих обходилось в 2,6 раза дешевле, чем использование местных трудовых ресурсов. Опыт сотрудничества оценивался положительно, так как вне зависимости от погодных условий китайцы обеспечивали стабильно высокий урожай. В 1998 г. для работы на полях области планировалось привлечь более 600 граждан Китая для обработки 1986 га земли [ОГАЧО. Ф. Р-1404, оп. 1, д. 28, л. 6]. Анализ прессы свидетельствует если не о благожелательном восприятии китайских труженников, то, во всяком случае, об отсутствии языка вражды.

Изменение тональности произошло в 2000-е гг. Так, в 2002 г. появляются первые публикации, посвященные «китайским» теплицам. Предприниматель Чжао Жундань арендовал убыточные теплицы Южноуральской ГРЭС для выращивания цветов и овощей. Однако многие из привлеченных им рабочих имели нарушения паспортно-визового режима [Челябинский рабочий. 2002. 27 нояб.].

В местных медиа выходили материалы мигрантофобского характера [Китайцам врезали...; Экспансия из Поднебесной; «Российская газета»: уральское село на грани...; Овощная экспансия из Поднебесной]. Внимание аудитории перенастроилось с «китайского» рынка на другие локации и сюжеты. Произошел переход от страхов «китаизации» областного центра к страхам «китаизации» села. В новостных сводках и интервью мы наблюдаем образы «экспансии» и «нашествия». Журналисты и жители невольно создавали подходящие способы описания. Так, в п. Лазурное Красноармейского района, где разместились обширные тепличные комплексы, в сленг местных

«Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области)

жителей даже вошло понятие «Великая китайская стена теплиц» [Экспансия из Поднебесной]. Местные издания публиковали фотографии обширных тепличных комплексов (рис. 1).

Рис. 1. Китайские теплицы в одном из районов Челябинской области (см.: [Китайские фермеры срывают ШОС в Челябинске]).

Fig. 1. Chinese greenhouses in one of the districts of the Chelyabinsk region.

Определить масштабы развития «китайских» теплиц затруднительно. Эта сфера деятельности мигрантов не фигурировала в официальной документации. Отсутствие достоверной статистики и общая канва восприятия китайской миграции продуцировали мифы о многочисленности китайцев. В 2009 г., когда власти предприняли ряд решительных мер по наведению порядка в этой отрасли, из 2600 китайских овощеводов только 600 работали легально [Там же]. По оценкам областного министерства сельского хозяйства, в 2013 г. их число составило 5 тыс., в 2014 — от 2 тыс. до 2,5 тыс. [Китайцам врезали...]. Нередко граждане Китая официально приезжали по туристическим визам, но работали на полях [Тепличный «шанхай»]. На пике своего развития количество «китайских» теплиц оценивалось в 2400. Их общая площадь составляла примерно в 440 га [Китайские теплиц выйдут из подполья]. Даже в населенном пункте, входящем в закрытое административно-территориальное образование город Озерск, правоохранители выявили теплицы, где нелегально работали граждане КНР [На Южном Урале предприниматель...].

Еще одной важной чертой в работе и описании тепличных комплексов является их мобильность. Подготовка не требовала масштабных вложений. Главное — обеспечить доступ к источнику воды для организации полива. Они быстро возникали и так же быстро исчезали, оставляя после себя каркасы, обтянутые изорванной полиэтиленовой пленкой. Даже для населения муниципалитетов, где создавались теплицы, это становилось неожиданностью.

Они быстро ставили их. Еще вчера нет ничего — на следующий день уже каркасы поставили, пленку натягивают [ПМА, Еткульский р-н, 2019 г.].

Такой характер деятельности не предполагал долгосрочных стратегий хозяйствования, а определялся желанием получить быструю прибыль. Практиковалась краткосрочная аренда и субаренда земельных участков, которую использовали как российские юридические и физические лица, так и китайские бизнесмены. Причем часто это утаивалось, чтобы уйти от налоговых выплат или скрыть факты нарушений законодательства [Duncan, Ruetschle, 2002, p. 215; Степанов, 2018, с. 426].

Обычно организаторами теплиц выступали китайские предприниматели, которые долгое время прожили в Челябинской области. Одним из них являлся Ли Цзянчен (более известен как Юрий Викторович). Он с начала 1990-х гг. жил в Челябинске, получил российское гражданство. Среди китайских овощеводов его называли просто «Юра». По его инициативе в 2009 г. для защиты прав и интересов выходцев из Китая на Южном Урале возник китайский культурный центр. Общая численность китайцев, интересы которых представляла данная общественная организация, оценивалась примерно в 2 тыс. чел. [Челябинские китайцы]. Это бизнесмены, трудовые мигранты и студенты. Они проживали преимущественно изолированно друга от друга и не вступали в прямые контакты. Возникновение культурного центра было вызвано давлением местных властей на китайский агробизнес. Однако в городском, а тем более в сельском пространстве Южного Урала отсутствуют признаки китаизации, мы буквально по крупицам фиксируем хоть какие-то публичные действия китайской общины.

Болезненная реакция на китайское присутствие в сельской местности вызвана не самим фактом трудовой миграции, а созданием «закрытых» локаций. Под ними понимались именно «китайские» теплицы. Мобильные в пространстве, функционирующие словно отдельно и по своим законам, где работали исключительно китайцы и под руководством китайцев. Материалы интервью показывают, что их появление воспринималось как первые шаги для отторжения бескрайних просторов в условиях слабости российского крестьянства. В наспех собранных из жердей и полиэтиленовой пленки парниках обыватель увидел не только тружеников, которые работают по 14 часов в день, чтобы обеспечить южноуральцев недорогими овощами, но и потенциальную угрозу.

«Ядовитые» помидоры и «огуречные войны». Большинство описаний строилось вокруг угроз «захвата» и «отравления» земли китайскими овощеводами. Восприятие сложилось противоречивое. С одной стороны, китайцев характеризовали как законопослушных и добросовестных аграриев, насыщающих рынок доступной и качественной продукцией. Овощи, выращенные в «китайских» теплицах, даже поставлялись в Москву и Подмоскovie [Китайские теплицы выйдут из подполья?]. Однако общественное мнение тревожили факты долговременной аренды сельскохозяйственных угодий, нарушения миграционного законодательства, формирование практически неконтролируемых «китайских» теплиц, неуплата налогов, строительство «самодельных» общежитий для рабочих, антисанитария и применение запрещенных ядохимикатов и др. [Важно! На Южном Урале...; Огурцы по-китайски...; Муратшина, 2015].

К распространенным сюжетам относится порча земли. Это или предельное истощение почвы за счет ее эксплуатации, чем, собственно, и объясняется высокая продуктивность тепличных хозяйств, или чрезмерное применение удобрений и ядохимикатов. В результате земля, связанная с деятельностью «китайских» хозяйств, становилась «мертвой» [ПМА, Еткульский р-н, 2019 г.; Красноармейский р-н, 2019 г.], исключенной из любого оборота как физически после ее «истощения», так и пространственно после захвата «чужаками». У местных жителей и китайцев происходили конфликты из-за бесконтрольной выкачки воды и загрязнения оз. Кривое в районе д. Потапово (Еткульский район) [Не бросайтесь...]. Однажды надзорные органы выявили даже случай выращивания китайцами конопли [Китайские фермеры перешли на коноплю].

Я сам видел как они работают. Стимуляторы какие-то кополи, дустом пахло постоянно, дозировок при внесении удобрений не соблюдали [ПМА, Еткульский р-н 2019 г.].

Сюжеты, связанные с самозахватом земель, встречаются реже: отследить всех участников цепочки предоставления китайским аграриям участков земли затруднительно. Нередко землепользование происходило и на вполне законных основаниях. При этом в региональных медиа и повествованиях информантов мы не нашли «высоких заборов», «железных ворот», бдительных сторожей, отгоняющих «палками любые комиссии» и т.д (см.: [Григоричев, 2016, с. 144]). Напротив, в теплицы при желании часто мог попасть любой желающий, чтобы купить или даже украсть продукцию. Вот выдержка из интервью:

Мы одно время ночами приезжали и с поля собирали немного капусты. Потом решили действовать умнее. Приехали к китайцам с водкой. Выпили с ними и набрали столько, сколько смогли увезти. Это был подарок в знак нашей дружбы [ПМА, Челябинск, 2019 г.].

Большинство описаний китайских теплиц примерно одинаковы. Нищета, бытовая неустроенность, антисанитария, опасные способы ведения хозяйства, болезни, неконтролируемый водозабор и т.д. В текстах медиа и наблюдениях наших респондентов всячески подчеркиваются чуждость и архаичность жизненных практик, царящих в границах этих объектов. Большинство оценок повседневной жизни китайских рабочих сводится к образу «копошащихся муравьев» [ПМА, Сосновский р-н, 2019 г.].

Немалые опасения связывались и с качеством продукции. Так, в одной из партий огурцов, выращенных в теплицах Чебаркульского района, специалисты обнаружили четырехкратное превышение содержания мышьяка [«Если каждый год...»]. Сотрудники надзорных ведомств регулярно находили в тепличных комплексах емкости с запрещенными на территории России ядохимикатами и удобрениями. При этом вся информация на упаковках была на китайском языке [Китайских гастарбайтеров — под особый контроль].

Большинство описаний отсылают к различным нелегальным каналам и практикам. Это относится к применению «китайских», т.е. произведенных в Китае, семян, удобрений и ядохимикатов [В Челябинской области китайские овощеводы...]. Их происхождение и применение нелегально, что интерпретировалось в рамках распространенной мифологемы об экспансии. Тем самым медиа-тексты о формировании и деятельности «китайских» теплиц помещались в усто-

«Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области)

являвшиеся представления о «желтой опасности». Не случайно в контексте сюжетов об овощеводстве звучали тревожные тезисы о «желтом нашествии» [Чужие против своих?].

В 2009 г. начались проверки. Ситуация вокруг китайских теплиц вызвала открытый конфликт. В текстах прессы и памяти южноуральцев эти события остались под ироническим названием «огуречные войны» [Огуречные бои местного значения]. В Еткульском районе бульдозеры показательно снесли китайские теплицы. Местных жителей не первый год беспокоили антисанитария, незаконное занятие земли и т.д. [В одном из районов Челябинской области...]. Этот случай чуть не привел к международному скандалу. Фотографию рыдающей китайки по имени Ти Чаоб на фоне бульдозера, сносившего теплицы, даже опубликовала газета «Жэньминь жибао» (рис. 2). Китайские издания тогда в красках рассказали, как власти Южного Урала осуществляют давление на китайских крестьян. Некоторые газеты выходили под заголовками: «Русские громят наших крестьян» и «Зачем нам дружба с Россией?» [Огуречные бои местного значения].

Рис. 2. Снос китайских теплиц в Еткульском районе Челябинской области в 2009 г. (см.: [В одном из районов Челябинской области...]).

Fig. 2. Demolition of Chinese greenhouses in the Etkul district of the Chelyabinsk region in 2009.

После этого скандала позиция областных и муниципальных чиновников в отношении китайского бизнеса стала более сдержанной. Однако настойчивые требования соблюдать законодательство не прекращались. В 2012 г. Челябинский арбитражный суд обязал ряд китайских предпринимателей возместить ущерб, нанесенный экологии. Кроме того, известную предпринимательницу Чжан Ин привлекли к административной ответственности за снятие плодородного слоя почвы и ряд иных нарушений. Кстати, до этого ей удавалось более трех лет уклоняться от выполнения предписаний Россельхознадзора [Тепличный «шанхай»].

Находясь по разным причинам фактически в секторе теневой экономики, китайские хозяйства не платили налоги, поэтому могли реализовывать свою продукцию по демпинговым ценам [Китайские теплицы выйдут из подполья?]. Областные власти и жителей тревожила реальная опасность разорения местных крестьянских хозяйств [«Российская газета»: уральское село на грани...]. Высокодоходное и практически неуправляемое производство овощной продукции вызывало конфликты. Так, в 2013 г. зафиксирована серия разбойных нападений на китайские тепличные комплексы. Громилось жилье рабочих, похищалась выручка (однажды злоумышленники забрали сумму в 230 тыс. руб.). Журналисты и правоохранители склонялись к тому, что это результат передела сфер влияния между китайскими бизнесменами [На Южном Урале...; Четверо неизвестных...]. Нападавшие так и не были найдены.

Примерно в 2014–2015 гг., когда произошел «поворот» России на Восток (см.: [Malinova, 2019]), интерес к этой теме пошел на спад. Большинство «китайских» теплиц в Челябинской области исчезло [Китайские теплицы в Челябинской области снесут по решению суда]. В последние годы речь идет чаще о сносе и утилизации остатков теплиц: деревянных каркасов, бытового мусора, остатков удобрений и большого количества полиэтиленовой пленки [Китайский след...; Бизнес вне закона...]. Сегодня в отдельных районах региона сохраняются некоторые комплексы, где продолжают работать китайские мигранты [В Челябинской области полиция и медики проверили 10 теплиц...]. Однако масштабы несопоставимы с количеством объектов, которые действовали, скажем, пять-десять лет назад. Маркером, фиксирующим исключение

тепличных комплексов из пространства, становилось определение их как «китайских». Оно без каких-то дополнительных комментариев указывает на весь спектр оценок и отношений, сложившихся вокруг них. Сосредоточение мигрантов в этих локациях воспринималось как этнизация сельского пространства.

Заключение

Несбывшиеся тревожные ожидания чайна-таунов в городах привели к конструированию таких закрытых «китайских» локаций в сельской местности [Григоричев, 2016, с. 148]. Это мы видим и на примере южноуральского кейса. Ставшая очевидной несостоятельность чайна-тауна вокруг китайского рынка в Челябинске привела к тому, что эти страхи проецировались на другой закрытый и широко распространявшийся объект мигрантской активности — «китайские» теплицы.

В медиа-дискурсе и массовом сознании южноуральцев представления и сегменты сельского ландшафта, связанные с китайскими мигрантами, аккумулировались в понятии «китайских» теплиц. В прессе оживленно обсуждалась возможность формирования китайских поселений, многочисленность китайских мигрантов. Вокруг теплиц сложился комплекс представлений об угрозах: отравление и истощение почв, самозахват земель, массовое уклонение от уплаты налогов, продажа некачественной овощной продукции и создание условий для разорения местного крестьянства. Вне поля зрения большинства наблюдателей оставалась временность тепличных комплексов, отсутствие у них какой-либо инфраструктуры для жизни. Гораздо важнее в тех условиях оказалось поместить их в простую и понятную картину экспансии. В этом смысле «китайские» теплицы служили возможным инструментом отторжения бескрайних российских просторов, основой для зарождения в будущем китайских поселений, а не временным явлением, которое исчезло столь же внезапно, как и возникло. Хозяйственные объекты, имевшие непродолжительный жизненный цикл, рассматривались как вполне реальные альтернативы чайна-таунам, но сегодня о них осталась лишь память.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Бизнес вне закона. В Челябинской области снесли теплицы, где работали китайские рабочие [Электронный ресурс] // Ural. Press. Информационное агентство. URL: <https://uralpress.ru/news/proisshestviya/v-chelyabinskoy-oblasti-snesli-teplicy-gde-rabotali-kitayskie-rabochie> (дата обращения: 25.03.14).

Важно! На Южном Урале «закошмарили» первое сельхозпредприятие, созданное китайцами [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/1052097862> (дата обращения: 25.03.20).

Вечерний Челябинск. 1992. 7 сент.

В одном из районов Челябинской области показательно сравнивали с землей китайские теплицы. Гастарбайтеры-самозахватчики в отчаянии бросались под бульдозер [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/1052098737> (дата обращения: 25.03.20).

В Челябинской области китайские овощеводы выращивают неизвестно что [Электронный ресурс] // Федеральный репортер. URL: <http://fedrep.ru/page/v-chelyabinskoi-oblasti-kitaiskie-ovoshchevody-vyrashchivayut-neizvestno-chto> (дата обращения: 01.07.14).

В Челябинской области полиция и медики проверили 10 теплиц, где работают китайцы [Электронный ресурс] // Znak. URL: https://www.znak.com/2020-02-12/v_chelyabinskoy_oblasti_policiya_i_mediki_proverili_10_teplic_gde_rabotayut_kitaycy (дата обращения: 01.07.14).

«Если каждый год число китайцев будет расти так же, как сейчас, то через несколько лет граждане КНР будут у нас выборы проводить!» [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/articles/1036253737> (дата обращения: 25.03.20).

Китайцам врезали по помидорам [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/articles/1036264886> (дата обращения: 25.03.20).

Китайских гастарбайтеров — под особый контроль [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: https://up74.ru/articles/ekonomika/22123/?sphrase_id=269377 (дата обращения: 25.03.20).

Китайские фермеры перешли на коноплю [Электронный ресурс] // Вести. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=17&id=308809> (дата обращения: 09.09.14).

Китайские теплицы выйдут из подполья? [Электронный ресурс] // 74.ru. URL: <https://74.ru/text/gorod/421988.html> (дата обращения: 25.03.20).

«Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области)

Китайские фермеры срывают ШОС в Челябинске [Электронный ресурс] // Правда УРФО. URL: <https://pravdaurfo.ru/articles/139104-kitayskie-fermery-sryvayut-shos-v-chelyabinske> (дата обращения: 25.11.20).

Китайские теплицы в Челябинской области снесут по решению суда [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Chelaif.ru. URL: <https://chel.aif.ru/society/agriculture/1098240> (дата обращения: 25.03.20).

Китайский след из пленки и мусора. Кто очистит поля от забытых теплиц? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Chelaif.ru. URL: https://chel.aif.ru/society/kitayskiy_sled_iz_plyonki_i_musora_kto_ochistit_polya_ot_zabytyh_teplic (дата обращения: 25.03.20).

На Южном Урале будет усилена профилактика по предотвращению межнациональной розни [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/1052163029> (дата обращения: 25.03.20).

На Южном Урале предприниматель дал взятку сотрудникам ФСБ за гастарбайтеров [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Chelaif.ru. URL: <https://chel.aif.ru/incidents/other/1012362> (дата обращения: 25.03.20).

Не бросайтесь тухлыми помидорами, или «Китайский вопрос» уральской деревни Потапово [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: <https://up74.ru/articles/ekonomika/22402/> (дата обращения: 25.03.20).

ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1: Миграционная служба при администрации Челябинской области.

ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1: Комитет по внешнеэкономическим связям и внешнеэкономической деятельности администрации Челябинской области.

Огуречные бои местного значения [Электронный ресурс] // Полит74. URL: https://polit74.ru/economics/ogurechnye_boi_mestnogo_znacheniya/ (дата обращения: 25.03.20).

Огурцы по-китайски, или «В тени» подпольных теплиц [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/26216/> (дата обращения: 25.03.20).

Овощная экспансия из Поднебесной [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: https://up74.ru/articles/ekonomika/23248/?sphrase_id=269377 (дата обращения: 25.03.20).

ПМА, Еткульский р-н, 2019 г.

ПМА, Сосновский р-н, 2019 г.

ПМА, Челябинск, 2019 г.

«Российская газета»: Уральское село на грани антикитайских бунтов [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://ura.news/news/1052096862> (дата обращения: 25.03.20).

Тепличный «шанхай» [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: https://up74.ru/articles/ekonomika/23455/?sphrase_id=269377 (дата обращения: 25.03.20).

Челябинский рабочий. 1993. 29 июля; 1998. 28 нояб.; 3 дек.; 2002. 25 июля; 27 нояб.

Челябинские китайцы [Электронный ресурс] // Медиа Завод. URL: <https://mediazavod.ru/articles/daily/obshchestvo/120747/> (дата обращения: 25.03.20).

Четверо неизвестных расстреляли китайские теплицы под Челябинском [Электронный ресурс] // URA.ru. Российское информационное агентство. URL: <https://pravdaurfo.ru/news/chetvero-neizvestnyh-rasstrelyali-kitayskie-teplicy-pod-chelyabinskom> (дата обращения: 25.03.20).

Чужие против своих? Чем обернется для Челябинской области засилье гастарбайтеров [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Chelaif.ru. URL: <https://chel.aif.ru/society/180768> (дата обращения: 25.03.20).

Экспансия из Поднебесной. Чем грозит китайское нашествие на овощные плантации Южного Урала [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама. URL: https://up74.ru/articles/obshchestvo/26445/?sphrase_id=269377 (дата обращения: 25.03.20).

Литература

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253.

Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «Китайские» теплицы в пространстве пригорода // ЭО. 2016. № 4. С. 137–153.

Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел приморского края // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5 (37). С. 120–127. DOI: 10.17223/19988613/37/17.

Ивлева И.В., Таировский А.В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа // ЭО. 2019. № 1. С. 149–165. DOI: 10.13039/501100006769.

Муратшина К.Г. Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР) // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2015. № 8. С. 172–182. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-172-182.

Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166–192. DOI: 10.17223/2312461X/15/11.

Рыжова Н.П. Земля и власть: Различия в подходах к исследованию собственности: (Случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 5 (76). С. 7–35.

Степанов В.В. Китайцы в России // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 417–436.

Тимошкин Д.О. «Помогу за коньячок»: Неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 149–165. DOI: 10.17223/2312461X/15/10.

Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография об участии граждан Китая в аграрной отрасли юга Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг. // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 3. С. 50–57.

Abashin S.N. Returning Home and Circular Mobility: How Crises Change the Anthropological View of Migration // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2019. Vol. 58. Iss. 3. P. 155–168. DOI: 10.1080/10611959.2019.1686902.

Bräutigam D., Zhang H. Green Dreams: Myth and Reality in China's Agricultural Investment in Africa // *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. Iss. 9. P. 1676–1696. DOI: 10.1080/01436597.2013.843846.

Cotuba L., Vermeulen S., Leonard R., Keely J. Land Grab or Development Opportunity? Agricultural Investment and International Land Deals in Africa. FAO, IIED and IFAD, 2009.

Duncan J., Ruetschle M. Agrarian reform and agricultural productivity in the Russian Far East // *Russia's Far East: A region at risk* / Ed. by J. Thornton, Ch.E. Ziegler. Seattle; L.: University of Washington Press, 2002. P. 193–220.

Hofman I., Ho P. China's 'Developmental Outsourcing': A critical examination of Chinese global 'land grabs' discourse // *The Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol. 39. Iss. 1. P. 1–48. DOI: 10.1080/03066150.2011.653109.

Malinova O. (2019). Russian Identity and the "Pivot to the East". *Problems of Post-Communism*, (4), 227–239. DOI: 10.1080/10758216.2018.1502613.

McMichael P. Does China's 'going out' strategy prefigure a new food regime? // *The Journal of Peasant Studies*. 2020. Vol. 47. Iss. 1. P. 116–154. DOI: 10.1080/03066150.2019.1693368.

Oliveira G. Chinese land grabs in Brazil? Sinophobia and foreign investments in Brazilian soybean agribusiness // *Globalizations*. 2018. Vol. 15. Iss. 1. P. 114–133. DOI: 10.1080/14747731.2017.1377374.

Visser O., Spoor M. Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake // *The Journal of Peasant Studies*. 2011. Vol. 38. Iss. 2. P. 299–323. DOI: 10.1080/03066150.2011.559010.

Avdashkin A.A.

South Ural State University, 76, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

“Chinese” greenhouses in Russian rural space (case of Chelyabinsk Region)

The focus of this article is the problem of formation and development of “Chinese” greenhouses in 2009–2020. The development of migrant infrastructure in rural areas virtually has not been analysed yet by scientists. The purpose of this study is to trace the formation and evolution of ideas about “Chinese” greenhouses among residents of a large Russian region using the example of Chelyabinsk. The source base of the article includes media materials, interviews and archival documents. The regional press is an important source for the analysis of public opinion regarding the “Chinese” greenhouses and concentration of migrants in rural locations. In the summer of 2019, the author gathered a collection of interviews with residents of areas where the “Chinese” greenhouses were operating. Documents from the Chelyabinsk regional archive made it possible to supplement the overall picture of the Chinese migration to the Southern Ural region. The complexity of the study object required the use of a combination of methods. These included free informal interviews, content and discourse press analysis, and historical imagology. Our study shows that the formation of temporary economic facilities in rural areas has been perceived by the population as an irreversible ethnicization of space. This caused an increase of anxiety. In the media discourse and in collective mentality of the inhabitants, the ideas of “Chinese” greenhouses created images of “expansion” and numerousness of Chinese migrants. Around the greenhouses, a complex of notions of threats was formed (seizing and “spoiling” of land, tax evasion, low-quality vegetables, etc.). The concept of “Chinese” greenhouses has incorporated a large number of meanings that are understandable without further explanation: from the organization of rural space to a set of markers defining closed locations. Today there are practically no “Chinese” greenhouses in Chelyabinsk Region, they remain as a media, but not a spatial object. What was left out of sight of most observers is the temporality of the greenhouse complexes, the lack of any infrastructure for their long-term existence. Therefore, even theoretically, the “Chinese” greenhouses could not develop into full-fledged settlements (Chinatowns) in rural areas.

Key words: “Chinese” greenhouses, Chinese, rural space, migrants, ethnicity.

REFERENCES

Abashin S.N. (2019). Returning Home and Circular Mobility: How Crises Change the Anthropological View of Migration. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, (3), 155–168. DOI: 10.1080/10611959.2019.1686902.

Bräutigam D., Zhang H. (2013). Green Dreams: Myth and Reality in China's Agricultural Investment in Africa. *Third World Quarterly*, (9), 1676–1696. DOI: 10.1080/01436597.2013.843846.

Chernolutskaia E.N. (2017). English-language historiography on the participation of Chinese citizens in the agricultural sector of the south of the Russian Far East in the 1990–2010s. *Regional'nye problemy*, (3), 50–57. (Rus.).

«Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области)

Cotuba L., Vermeulen S., Leonard R., Keely J. (2009). Land Grab or Development Opportunity? Agricultural Investment and International Land Deals in Africa. *FAO, IIED and IFAD*.

Duncan J., Ruetschle M. (2002). Agrarian reform and agricultural productivity in the Russian Far East. In: *Russia's Far East: A region at risk*. Seattle: University of Washington Press, 193–220.

Grigorichev K.V. (2016). "They exist, but they do not exist": "Chinese" greenhouses in the suburbs. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 137–153. (Rus.).

Hofman I., Ho P. (2012). China's 'Developmental Outsourcing': A critical examination of Chinese global 'land grabs' discourse. *The Journal of Peasant Studies*, (1), 1–48. DOI: 10.1080/03066150.2011.653109.

Ivanov S.A. (2015). Chinese capital as a factor in the ethnicization of cities and villages of the Primorsky Territory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (5), 120–127. DOI: 10.17223/19988613/37/17 (Rus.).

Ivleva I.V., Tavrovskii A.V. (2019). Images of labor migrants in the Russian mass media. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 149–165. (Rus.). DOI: 10.13039/501100006769.

Malinova O. (2019). Russian Identity and the "Pivot to the East". *Problems of Post-Communism*, (4), 227–239. DOI: 10.1080/10758216.2018.1502613.

McMichael P. (2020). Does China's 'going out' strategy prefigure a new food regime? *The Journal of Peasant Studies*, (1), 116–154. DOI: 10.1080/03066150.2019.1693368.

Muratshina K.G. (2015). Humanitarian and environmental risks of the use of labor of migrants in agriculture of Russia (on the example of cooperation with China). *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (8), 172–182. (Rus.). DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-172-182.

Nam I.V., Karageorgii E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. (2017). Designing the image of a labor migrant in the regional media (for example, Tomsk). *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (1), 166–192. (Rus.). DOI: 10.17223/2312461X/15/11.

Oliveira G. (2018). Chinese land grabs in Brazil? Sinophobia and foreign investments in Brazilian soybean agribusiness. *Globalizations*, (1), 114–133. DOI: 10.1080/14747731.2017.1377374.

Ryzhova N.P. (2014). Land and power: Differences in approaches to the study of property: (Case of informal land use by Chinese farmers). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (5), 7–35. (Rus.).

Timoshkin D.O. (2017). "I will help for cognac": Informal land use practices in the suburbs of Irkutsk. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (1), 149–165. (Rus.). DOI: 10.17223/2312461X/15/10.

Stepanov V.V. (2018). The Chinese in Russia. In: *Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*. Moscow: IEA RAN, 417–436. (Rus.).

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. (2020). Areas of Resident Concentration of Migrants in Russian Cities: Is there a Pattern? *Sociologicheskoe obozrenie*, (2), 225–253. (Rus.). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-2-225-253.

Visser O., Spoor M. (2011). Land grabbing in post-Soviet Eurasia: the world's largest agricultural land reserves at stake. *The Journal of Peasant Studies*, (2), 299–323. DOI: 10.1080/03066150.2011.559010.

Авдашкин А.А., <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021